

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-31-35
УДК 32(045)

Политические страхи современной студенческой молодежи в контексте молодежной политики Российской Федерации*

Е.О. Соболева

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена выявлению и анализу основных политических страхов современной российской молодежи. Причем такого рода настроения среди молодых людей исследуются в контексте базовых тенденций молодежной политики Российской Федерации в 2000-е гг. Автор рассматривает динамику молодежной политики, выделяет ее основные этапы и приоритеты. Особое внимание уделено проблеме влияния власти на молодое поколение, существенным ошибкам и недоработкам на данном направлении, результатом которых стало формирование у молодежи весьма тревожных «антипатриотических» страхов и фобий. Кроме того, в статье поднимается вопрос об оптимизации молодежной политики, особенно в контексте ведения специальной военной операции.

Ключевые слова: молодежь; студенчество; политические страхи; власть; молодежная политика; поколение Z; СВО

Для цитирования: Соболева Е.О. Политические страхи современной студенческой молодежи в контексте молодежной политики Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(5):31-35. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-31-35

ORIGINAL PAPER

Political Fears of Modern Students in the Youth's Policy Context in Russia**

E.O. Soboleva

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper identifies and analyzes the major political fears of the modern Russian youth. The research studies this kind of sentiment among young people in the basic trends in the youth policy of the Russian Federation in the 2000s. The author examines the dynamics of youth policy, emphasizing its main stages and priorities. Also, the author paid particular attention to the impact of a power on the younger generation, as well as significant mistakes and shortcomings in this field, which had caused the formation of very disturbing "anti-patriotic" fears and phobias among the young people. In addition, the paper raises optimizing youth policy, especially in the Special military operation.

Keywords: youth; students; political fears; power; youth policy; Z generation; SMO

For citation: Soboleva E.O. Political fears of modern students in the youth's policy context in Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(5):31-35. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-31-35

Как показывает опыт новейшего времени, главной «ударной силой» практически всех революционных событий является молодежь, особенно студенты. Так было и во времена охлократических переворотов первой половины прошлого столетия,

так происходит и сейчас в ходе «цветных революций» и прочих радикальных политических событий. Во многом это связано с тем, что молодой человек нашей эпохи сродни пролетарию прошлого времени. Их роднит и отсутствие серьезных социальных привязок,

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета на 2022 г.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University for 2022.

и недостаток глубоких знаний, и повышенная «политическая возбудимость», и готовность к протестным действиям. Более того, в связи с общемировыми тенденциями к деиндустриализации и «буржуазному перерождению» рабочего класса, именно городская молодежь (зачастую совместно с интеллигенцией) становится главной революционной и дестабилизирующей силой. Это подметили еще идеологи «новых левых» (Г. Маркузе, Ж.-П. Сартр и др.), которые в 1960–1970-х гг. пришли к выводу о том, что пришло время делать ставку не на исчезающий пролетариат, «которому нечего терять», а на городские «бунтарские» слои. Как указывает писатель и историк Владимир Савельев в своей работе, посвященной молодежным протестам 1960-х гг., «студенческая молодежь, различные неконформистские настроенные маргиналы и интеллектуалы — все они стали считаться новыми потенциальными революционерами, способными пойти против новой капиталистической системы» [1]. Позже, когда идеологи «новых левых» под влиянием политической конъюнктуры сдвинулись в направлении неоллиберализма (затем — неоллибертарианства), они не отказались от ставки на студенческую молодежь, рассматривая теперь ее потенциал в плане борьбы с тоталитарными и авторитарными режимами — опять же, ввиду высокой степени ее возрастной протестности и простоты манипулирования ею. При этом идеологи «цветного» молодежного протеста всячески скрывали последнее обстоятельство. Напротив, они стремились сыграть на тщеславии и амбициях неопытных молодых людей, мотивируя их к политической активности как перспективами карьерного взлета (в случае успеха государственного переворота), так и прямой лестью в подконтрольных СМИ и публичных выступлениях. Именно с легкой руки манипуляторов запускаются в политический и общественный оборот такие «стимулирующие» характеристики молодежи, как «поколение свободы», «борцы с эйджизмом», «герои революции достоинства» и пр. Такая комплексная работа с молодежью, помноженная на другие виды подрывной деятельности, принесла на рубеже XX–XXI вв. множество побед западным адептам неоллиберализма (неоллибертарианства). К таковым можно отнести и развал Советского Союза (в обрушении коммунистического режима значимую роль

сыграла оппозиционно настроенная молодежь, особенно студенческая), и череду «цветных революций» в постсоветских странах, и «арабскую весну» на Ближнем Востоке [2]. В начале 2000-х гг. существовала реальная угроза того, что коллективный Запад попытается реализовать сценарий «цветной революции» и в России. Однако российские элиты, взявшие курс на отстаивание национального суверенитета (пусть на тот момент еще в очень мягкой форме), оказали решительное противодействие данным устремлениям западных партнеров, в том числе, за счет резкой активизации молодежной политики, которая была нацелена на «провластную» мобилизацию возрастного контингента 18–25 лет. Для этого был проведен целый ряд мероприятий.

Во-первых, под эгидой Администрации президента Российской Федерации (прежде всего, команды В. Ю. Суркова) были созданы массовые общественно-политические молодежные движения, призванные охватить своей деятельностью молодое поколение. Причем, помимо «универсальных» организаций («Идущие вместе», «Наши»), были сформированы некоторые специализированные структуры. В частности, для «молодых бюрократов», ориентированных на карьерный рост в рамках вертикали власти, была создана «Молодая гвардия Единой России», для студенчества — движение «Россия молодая» («Румол»). Кроме того, были попытки создать региональные молодежные течения (например, политико-экологическое движение «Местные» в Московской области).

Во-вторых, к руководству молодежным движением едва ли не впервые с 1950–1960-х гг. были привлечены энергичные и харизматичные лидеры, поднявшиеся «снизу» и не имевшие привязки ни к комсомольским функционерам периода «застоя», ни к демократам-ельцинистам. Более того, перед ними была поставлена задача обеспечить консолидацию молодежи вокруг власти, прежде всего, на неформальной основе.

В-третьих, в 2000–2008 гг. власть активно работала с молодежью на идеологическом поле, причем не только на контрасте с эпохой «лихих 90-х», но и формируя у молодого поколения новые политические и мировоззренческие смыслы. Так, в качестве несомненной опорной ценности продвигалась идея достижения национального суверенитета. Одновременно «сверху» заявляли о готовности помочь молодежи с трудоустрой-

ством привлечь ее во власть и поддержать молодые семьи.

Все это позволило тогда не только предотвратить угрозу «цветной революции», но и сплотить молодежь вокруг власти и В.В. Путина.

Однако после 2008 г. власть кардинально меняет свою молодежную повестку, отказываясь от массового вовлечения молодежи в политику и бюрократизируя процесс рекрутирования молодых людей в кадровый резерв. Кроме того, либеральной и олигархической части «многооставной» российской элиты удалось продать идею деполитизации работы с молодежью, поскольку ее беспокоили эгалитаристские и авторитарные тенденции в массовых молодежных движениях.

Поэтому после 2008 г. массовая работа с молодежью постепенно сворачивается, политически выхолащиваются существовавшие молодежные организации, создаются новые структуры, кадровые резервы и форумы (АСИ, «Сколково», «Территория смыслов» и пр.), которые больше ориентируются не на воспитание молодого поколения в духе патриотизма и традиционных национальных ценностей, а на создание нового управленческого слоя. При этом с юношеством теперь работают не эксперты-идеологи, а различного рода «коучи» и наставники, передающие им разве что универсальные и технические знания. Более того, базовым университетом, готовящим управленческие кадры для России, стала Высшая школа экономики, профессорско-преподавательский состав которой по своим мировоззренческим приоритетам в подавляющем большинстве являлся либеральным и космополитическим.

В итоге сформировались два параллельных тренда молодежной политики.

С одной стороны, «сверху» происходила бюрократизация работы с молодежью. При этом отобранные в качестве кадрового резерва молодежные лидеры максимально «деполитизировались» и «деидеологизировались», натаскивались преимущественно на овладение компетенциями и выполнение KPI, мотивировались исключительно на рациональной основе.

С другой стороны, в связи с отсутствием массовой работы на молодежном направлении наблюдается постепенный перелом в отношении молодых людей к власти. Если в начале 2000-х гг. они в своем большинстве были настроены лоялистски (особенно это касалось

лично В.В. Путина), то с конца нулевых имеет место обратный тренд — молодежь начинает уходить в оппозицию. Причем при попустительстве власти духовное «водительство» для молодых людей постепенно переходит к системным и несистемным либералам-западникам. Первым «звонок» стало достаточно массовое участие молодежи в радикальных протестных акциях на Болотной площади в декабре 2011 г., далее она начинает ориентироваться на нового оппозиционного лидера Алексея Навального (признан иностранным агентом), деятельность которого по мобилизации молодого поколения практически не встречала сопротивления со стороны властных структур. При этом Навальный не только «обигрывал» в своей пропаганде оперативные претензии к руководству страны, но целенаправленно формировал мировоззрение молодежи в соответствии с западными стандартами. В частности, это касалось идей эйджизма, разжигающих межпоколенческие конфликты; пропаганды ЛГБТ и иной «толерантной» тематики, противоречащей национальному культурному коду; подчеркнутого космополитизма, нацеленного на отрыв молодежи от отечественных «почвенных» ценностей и пр. [3]. Таким образом, постепенно «поколение Z» стало «дрейфовать» в оппозиционном направлении, а апогеем этого процесса стали массовые беспорядки в Москве в июле-августе 2019 г., основной движущей силой которых стала именно «навальнистская» и иная либеральная молодежь.

«Чрезвычайный» период 2020–2022 гг. с точки зрения протестной активности молодежи был не таким острым, как раньше, тем не менее, в целом она продолжала занимать весьма оппозиционные позиции. Это касалось как достаточно консолидированной электоральной поддержки протестных кандидатов (например, в рамках проекта «умного голосования»), так и отношения практически ко всем инициативам и действиям власти. Невзирая на в целом успешное сдерживание западной санкционной политики и общую стабилизацию ситуации, формирование подобного слоя «потерянного поколения» было чревато для власти серьезными рисками, особенно с учетом следующих характеристик молодежи:

- инфантильность, неготовность к взрослой жизни и нежелание к ней приобщаться;
- эгоизм и космополитизм;

- мода на оппозиционность и антипатриотизм;
- отказ от межпоколенческого диалога, игнорирование мирового политического, социального и культурного наследия (прежде всего, «классики»);
- амбициозность, завышенные карьерные и материальные ожидания;
- стремление к социальному и психологическому комфорту и гедонизму¹;
- стремление к упрощенному и прямолинейному восприятию политических и социально-экономических событий, уязвимость по отношению к манипулятивным технологиям.

Такого рода настрой молодого поколения россиян активно использовался и используется различными внутренними и внешними противниками Российской Федерации.

В частности, внешние противники для манипулятивного воздействия на российское «поколение Z» продвигали в данной среде следующие тезисы:

- «Кардинальная отсталость “Рашки” от развитых стран мира в технологическом, интеллектуальном и мировоззренческом плане»;
- «Из этой страны пора валить в благополучные США и ЕС, в крайнем случае, в Израиль, Турцию или ОАЭ»;
- «Консервативная политическая атмосфера в России свидетельствует о ее архаичности и недемократичности»;
- «Россия проводит конфронтационную и агрессивную внешнеполитическую линию вместо того, чтобы дружить и сотрудничать с мировым сообществом»;
- «Культурная атмосфера России является нетолерантной и не соответствует стандартам глобализации» [4].

В свою очередь, внутренние противники российского правящего режима (в том числе, молодежные оппозиционные акторы) концентрировали огульную критику на следующих моментах:

- «В России нет сменяемости власти, отсутствует свобода слова и правовое государство».
- «В России господствует эйджизм, который проявляется в отсутствии “социальных лифтов” и менторском отношении к молодежи».

• «В России нет справедливости, молодежь дискриминируют в плане трудоустройства и заработной платы».

• «В России власть погрязла в тотальной коррупции и злоупотреблении служебным положением».

• «В России отсутствует реальная оппозиция, поэтому требуется свержение путинизма» [5].

Подобная весьма примитивная и однобокая пропаганда, критически воспринимаемая российским обществом возрастных категорий 30+, оказалась достаточно эффективной для «поколения Z». Во-первых, молодежь традиционно является протестной средой и любые, даже абсурдные или сомнительные обвинения в адрес власти, трактуются ею некритически, более того, воспринимаются как политическая смелость и нонконформизм. Во-вторых, в отличие от предшественников, «поколение Z» не застало потрясений и кризисов 1980–1990-х гг. и практически всю свою сознательную жизнь провело в атмосфере комфорта и безопасности. В-третьих, как уже говорилось выше, власть сама в последние 8–10 лет сбивала «излишний» патриотический настрой молодежи, демонстрировала приверженность «общечеловеческим ценностям», через СМИ активно пропагандировала западный стиль жизни.

В результате такой внутренней и внешней оппозиционной «накачки» у молодого поколения сформировался целый ряд политических страхов и фобий, особенно в условиях «размытой» и «технократической» государственной молодежной политики.

Таким образом, у российской молодежи (прежде всего, студенчества) в 2020–2022 гг. наблюдались политические страхи:

- авторитаризма;
- национальной автаркии;
- за свободу слова;
- отмены выборов;
- войны и мобилизации.

С политическими опасениями были связаны также некоторые социальные, бытовые и культурные страхи, в частности, по поводу невозможности купить товары любимых брендов (связан со страхом войны и санкций), запрета на заграничные путешествия (также связан со страхом войны и санкций и со страхом «закручивания гаек» внутри страны), безработицы и снижения уровня жизни (опять же, вследствие

¹ URL: <https://www.psychologies.ru/articles/deti-tiktoka-chtona-samom-dele-volnuet-sovremennuyu-molodezh/>

геополитической борьбы с Западом и «войны санкций») [6] и пр.

Такие субъективные и абстрактные политические страхи и фобии молодежи привели к вполне реальным практическим издержкам, особенно после начала специальной военной операции 2022 г. Их следствием, с одной стороны, стало отстраненное, а где-то и антипатриотическое

отношение «поколения Z» к российско-украинскому противостоянию², с другой стороны, достаточно массовая эмиграция молодежи (прежде всего, из мегаполисов) за границу в феврале и сентябре 2022 г.

² URL: <https://www.rbc.ru/society/15/09/2022/6322c11b9a7947458ff3c60f>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Савельев В. Молодежные протесты 1960-х. URL: <https://proza.ru/2020/11/21/1110>
2. Егорченков Д. Необъявленная война. Россия в огненном кольце. М.: Питер; 2018.
3. Шатилов А.Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе. *Власть*. 2019;(4):27–28.
4. Елишев С.О. Социальное манипулирование молодежью. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация»; 2019. 336 с.
5. Бродовская Е.В., Пырма Р.В., Домбровская А.Ю. Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):39–48.
6. Манылов Д. Форпост посчитал количество «потерянной» молодежи в России. URL: <https://forpost-sz.ru/a/2021-09-06/forpost-poschital-kolichestvo-poteryannoj-molodyozhi-v-rossii>

REFERENCES

1. Saveliev V. Youth protests in the 1960s. URL: <https://proza.ru/2020/11/21/1110> (In Russ.).
2. Egorchenkov D. Undeclared war. Russia in the ring of fire. Moscow: Peter; 2018. (In Russ.).
3. Shatilov A. B. Generation gaps as a factor in the growth of conflict in modern Russian society. *Power*. 2019;(4):27–28. (In Russ.).
4. Elishev S. O. Social manipulation of youth. Moscow: Canon + ROOI “Rehabilitation”; 2019. 336 p. (In Russ.).
5. Brodovskaya E. V., Pyrma R. V., Dombrovskaya A. Yu. Civic activism of youth in Russia: The structure of roles, the formation of attitudes factors, triggers of protest potential growth. *Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):39–48. (In Russ.).
6. Manylov D. Outpost counted the number of “lost” youth in Russia. URL: <https://forpost-sz.ru/a/2021-09-06/forpost-poschital-kolichestvo-poteryannoj-molodyozhi-v-rossii>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Евгения Олеговна Соболева — аспирантка департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Evgeniya O. Soboleva — postgraduate student, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8520-0412>

EOSoboleva@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 02.10.2022; принята к публикации 15.10.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 02.10.2022; accepted for publication on 15.10.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.